

«Спокойствие... ох, спокойствие, как ты далеко...»

Свет луны пробивается сквозь густые кроны, отбрасывая рваные тени на землю, словно пятна луж. Молодой парень, лет шестнадцати, с темными, взъерошенными волосами, мчится мимо деревьев. Он одет в светлые джинсы, лишь немного запачканные землёй, и тонкую серую кофту, которая теперь сливается с ночной мглой. Тяжёлое дыхание рвется с его губ, шумом заглушая едва слышные звуки леса.

«...всю свою жизнь я искал истинное умиротворение...»

Темно-синие глаза, распахнутые от страха, постоянно мечутся, то вперёд, то назад, стараясь уловить малейшее движение в темноте позади. Вглядываясь, бегун пытается увидеть то, что скрывается за кромкой деревьев, но замечает лишь все те же беспокойные, бесформенные тени. Они следуют за ним, как предвестники неминуемой угрозы. Жертва не знает, кто или что преследует его — чувствует только холодный страх, пронзающий, как ледяной клинок.

«...у меня были мысли, мол надо просто стараться и обрету те покой с тишиной...»

Бег медленнее и медленнее, холодный пот стекает по вискам. Юноша спотыкается, рука царапается о дерево, но он тут же выпрямляется и продолжает бежать, едва держась прямо.

«...но нет...»

Сердце стучит все громче с каждым шагом. Лес вокруг словно сжимается, ограничивая пространство для манёвра.

«...я ошибался...»

Внезапно нога цепляется за что-то на земле — корень, скрытый густой травой. Парень теряет равновесие и летит вперёд, руки инстинктивно поднимаются, чтобы смягчить падение, однако этого оказывается недостаточно. Голова с силой впечатывается в холодный, острый булыжник на тропе. Боль пронзает лоб, перед глазами вспыхивают белые пятна, постепенно погружающиеся во мрак. Единственное, что успевает сделать раненый — перевернуться на спину.

«...ведь даже после смерти...»

Мир вокруг растворяется в тишине, дыхание замедляется, а человек засыпает.

«...спокойствия нет...»

Герою снится яркий и беспокойный сон, словно обрывки разных сцен, хаотично сменяющих друг друга.

Наблюдатель стоит одновременно везде и нигде, он видит сразу все и ничего, доступен общий пейзаж, но не мелочи. Не слышно собственного дыхания, организм как бы не ощущает самого себя: нет ударов сердца, прохлады или жары, потребности в дыхании, еде, не хочется моргать. У него нет тела, это призрак, дух, но без дымки и следственного холода.

Шум обступает юношу, сминая его душу в тугую трубку. Это настоящий кошмар: мозг не может ухватиться за что-то одно — всё одновременно привлекает и отталкивает, оставляя разум в пустоте, лишенной ясных мыслей.

И вдруг взгляд зацепился за школьный автобус, который выделялся из общего хаоса, неуместный и странный среди мелькания образов.

На мгновение чувство «непостоянности» отпустило, позволив вновь ощутить привычное. Но едва оно проявилось, как всё погрузилось в крошечную темноту. Черный экран. Тело будто снова вернулось на своё место, хотя его и не видно, но с ним возвратилось это обычное, знакомое ощущение присутствия.

«Да, не так критично», — пронеслось близь.

Следом за мыслью наплыла еще одна... и еще одна, и еще одна, и еще...

Мыслям нет конца, они мелькают, словно рассыпающиеся звёзды, но их содержание ускользает, растворяясь раньше, чем удаётся за них зацепиться. Одинаковые фразы, обрывки слов, образы — всё сливается в единую массу, хаотичную и бесполезную. Постепенно это «ничто» превращается в нечто давящее, как невидимая тяжесть, лежащая на плечах и груди.

Вдруг в этом безумии герой слышит свой голос. Громкий, будто эхом отзывающийся в пустом зале, он снова и снова повторяется:

«...слишком шумно и беспокойно, как же хочется просто уснуть...»

И с каждым повторением эта фраза пробуждает в парне странное ощущение. Сначала оно кажется незначительным, будто туманное облачко, парящее в животе. Однако постепенно оно становится чётче, превращаясь в что-то тяжёлое и холодное, как кусок льда, застрявший внутри.

Юноша напрягается. Его тело постепенно сковывает страх. Что это? Почему оно так тревожит? Лёгкий холод перерастает в гнетущее ощущение, а затем — в боль, смутную, но усиливающуюся. Этот странный страх, подкреплённый непонятной болью, будто заставляет мышцы дрожать. Ноги подкашиваются, не выдерживая напряжения.

Он падает на что-то твёрдое. Пол. Кажется, это плитка. Но ничего не видно. Только непроглядная тьма и звуки собственного сбивчивого дыхания.

Проходит несколько минут. Герой лежит, постепенно адаптируясь к происходящему. Мозг словно решает отрезать лишнее, защититься.

А затем сцена меняется. Теперь юноша видит толпу людей. Его друзья, одноклассники. Они спускаются вниз, лица их скрыты, лишь очертания тел кажутся знакомыми. Шум шагов заполняет пространство. Они проходят мимо, не замечая его, а каждый шаг звучит всё громче и громче, отдаваясь гулким эхом в ушах.

Внезапно перед ним открываются массивные двери, ведущие в зал. Интерьер старинного зала будто выброшен из далёкого прошлого, из другой эпохи. Витражи окон, высокие колонны, тяжёлые деревянные панели на стенах. Всё кажется одновременно величественным и чуждым.

Тишину зала прерывает голос. Уставший, механический, неестественно ровный, словно записанный на старой плёнке:

— Куликовская битва, состоявшаяся 8 сентября 1380 года, была важнейшим событием в истории средневековья...

Звук нарастает. Боль в животе усиливается, словно отзываясь на голос. Шум шагов, голоса, монотонное повествование — всё сливается в плотную, давящую стену звука.

— Выжившие говорили о победителях, будто им сам бог помогал. Раны их затягивались, мечи разрезали камни... они были волшебны сильны физически...

Последние слова звучат гулко, словно оставляя после себя странное послевкусие. И вдруг всё меняется. В толпе раздаётся короткий смешок — резкий, неуместный. Это как спусковой крючок: толпа приходит в хаотичное движение, её движения беспорядочны, каждый шаг громыкает эхом, а голоса размываются в гуле. Всё ускоряется, звуки накладываются друг на друга, шаги замедляются... и в какой-то момент всё замирает.

Время делает скачок. Резкий. Мир вокруг будто остановился, погрузившись в полную тишину. Во всей этой неподвижности исходным остается лишь одно — все та же боль.

Парень чувствует ее. Однако... наконец-то завеса тайны приоткрылась: из живота торчит тяжёлый, острый двуручный меч. Его блестящая, ледяная сталь пронзает юношу насквозь, безжалостно и точно. Вот что это за боль!

Холод меча пропитывает изнутри, почти отрывая душу от тела. Бездушный, тяжёлый металл разрывает его с такой жестокостью, что всё остальное — свет, звук, запахи — теряет значение. Единственное, что остаётся, — это ощущение стали и всепоглощающий холод.

И вдруг... глаза открываются.

Мальчик медленно приходит в себя. Пульсирующая боль в голове волнами отдаётся в висках, будто отбойный молоток пытается пробить череп. На лбу юноша чувствует полоску липкой, подсохшей крови. Холод её проникает под кожу, пробуждая странную ясность. Он едва приоткрывает глаза, но тело не двигается. Интуитивное чувство опасности сковывает, заставляя лежать неподвижно, почти не дыша.

Дискомфорт во лбу нарастает, пульсация синхронизируется с рваным дыханием. Вот только, это дыхание раздаётся из чужой груди.

Юноша чувствует его над собой. Что-то огромное и зловещее возвышается прямо над ним. Медленно подняв взгляд, герой видит силуэт, размытый мраком ночного леса. Существо, покрытое чем-то похожим на древесную кору. Хрупкие, растрескавшиеся пластины напоминают омертвевшую кожу, местами блестящую и влажную, словно покрытую налётом.

Выступающие углы этой странной «корки» поблёскивают, напоминая затупленные лезвия. Тело существа искривлено и изломано под невозможными углами, словно кости ломались и срастались вновь, образуя нелогичные ломаные линии.

Это нечто двигается резко, с беспокойством, будто не знает, чего ищет. Оно то вытягивается вверх, принимая форму дерева, то резко сгибается, словно насторожённо прислушивается к чему-то невидимому.

Его движения одновременно напоминают хищную птицу и гигантское насекомое. Существо наблюдает, следит, но почему-то... не нападает. Оно замирает, настороженное, а тишина между ними становится ещё гуще, ещё давящей.

Почему просто стоит и смотрит? Не понятно... надо просто не двигаться?

Раненый слышит дыхание — неровное, глухое, будто затруднённое, и старается дышать как можно тише, чтобы не привлечь внимания. Грудь замирает, а каждый удар сердца гулко отдаётся в ушах, будто готов выдать присутствие. Чувство опасности сковывает, тело парализовано этой ужасной смесью страха и беспомощности. Каждая секунда тянется мучительно долго, будто само время сгущается вокруг. Мозг кричит: "Сделай хоть что-то!" Но ни один мускул не поддается команде, все ещё оцепенелые.

Внимание поглощено этим чудищем: его бесформенные контуры затягивают юношу в свой мрачный мир. В голове всплывает образ какого-то древнего монстра, которое сторожит ночные леса. Он будто пришло из иных времён, из древнего мира, когда природа и тьма ещё не подчинялись человеческим законам. Эта сущность вобрала в себя мрак и необъятную мощь, её дыхание звучит, как отголосок древних лесов, гул глубоких корней и шорох умирающих листьев.

Парень продолжает лежать неподвижно, пока монстр не начинает двигаться. Тихий скрип раздаётся при каждом его шаге, будто под ногами ломается сухая древесина. Рука едва-едва трепещет, как листья под порывом ветра, но даже это движение кажется невероятным усилием. Даже шорох способен выдать. Сущность, похоже, наделена нечеловеческой способностью чувствовать движение, если субъект касается земли.

«Оно меня не трогает, отчего? Недавно же гналось как сумасшедшее... », — внутренний голос уже успокоился.

Внезапно монстр остановился, парень замер еще сильнее, будто застывая в этом моменте. Минуты тянутся мучительно медленно, и наконец, существо резко поворачивается, его форма смещается, изгибается и, словно сливаясь с тенью, исчезает в густой темноте леса, став почти невидимым. Его силуэт растворяется в чернильных пятнах между деревьями, и лишь тень от старого ствола медленно исчезает вслед за ним.

Топот отдаляется.

Оставаясь на месте ещё несколько мгновений, парень лишь теперь позволяет себе выдохнуть и слегка расслабить мышцы, но боль в голове тут же напоминает о себе, возвращая его в реальность. Мучительная пульсация снова захватывает его сознание, а пальцы осторожно прикасаются к ране на лбу. Он ощущает липкую кровь, подушечка пальца скользит по её застывшим каплям, оставляя едва заметные пятна на коже. Парень отстранённо наблюдает за своим собственным дыханием, за медленным приходом чувства опасности, которое всё ещё висит над ним, как дамоклов меч.

<http://tl.rulate.ru/book/125319/5291941>